

А лицо стоявшей перед ним девушки внезапно расплылось, стало каким-то нечетким. В душе у него непонятно откуда возникло непреодолимое желание разглядеть её, и он, отпустив девичье запястье, перехватил её за подбородок.

Ли Чжань приложил огромную силу, и от его хватки у девушки впору было затрещать кости челюсти. Та мгновенно взвизгнула от боли.

Цзи Цинчжоу, панически боясь, что девушка выдаст его присутствие, уже перебирался через окно, как вдруг услышал испуганный крик.

Первой мыслью Цзи Цинчжоу было, что тот человек скончался, а девушка просто испугалась, но вскоре он понял, что всё обстоит совсем иначе...

Регент отравился вовсе не ядом, а... кое-чем другим!

Рассудок подсказывал Цзи Цинчжоу, что ему следует убираться отсюда со всех ног, но в руке он всё ещё сжимал заветную сладость, оставленную девушкой, а в ушах стояли её мольбы о помощи. Пусть он теперь и евнух, в глубине души он оставался настоящим мужчиной, и если бы он сбежал в такой момент, то, пожалуй, до конца дней не знал бы покоя даже во сне.

Цзи Цинчжоу сжал зубы и был вынужден повернуть обратно, направляясь в обход жертвенного стола.

Проходя мимо него, он по наитию мимоходом смахнул пламя свечи.

В тот же миг в зале воцарился полумрак. Цзи Цинчжоу подскочил к Ли Чжаню, сбил его с ног и бросил девушке:

— Беги!

— А как же ты? — срывающимся от слез голосом спросила она.

— Убежишь ты, уйду и я! — Цзи Цинчжоу руками и ногами навалился на Ли Чжаня, пригвоздив его к полу, и снова прикрикнул: — Беги же!

Девушка, очевидно, тоже была насмерть перепугана и, не смея больше задерживаться, бегом бросилась вон из главного зала.

Цзи Цинчжоу наконец с облегчением выдохнул, но в тот же миг почувствовал резкую боль в запястье: чья-то рука вцепилась в него и со страшной силой дернула на себя, вытягивая в объятия.

В темноте на него пахнуло обжигающим дыханием мужчины, от которого веяло смертельной опасностью. Цзи Цинчжоу инстинктивно попытался оттолкнуть его и вырваться, но недооценил чужую силу. Его попытка к бегству не только не увенчалась успехом, но лишь разожгла в противнике жажду контроля. Мгновение спустя Цзи Цинчжоу ощутил тяжесть чужого тела — мужчина прижал его к полу.

Ледяная плитка пола через тонкую ткань одежды впилась в кости, отчего жар, исходивший от мужчины, казался еще более нестерпимым. Наконец осознав свое положение, Цзи Цинчжоу отчаянно забился и заерзал. Его рука случайно скользнула по поясу мужчины и нащупала рукоять кинжала.

Регент из книги всегда отличался осторожностью: он не только не прикасался к еде во дворце, но и носил при себе кинжал для самообороны. Видимо, сейчас его разум был настолько затуманен, что он совершил такую оплошность и даже не заметил её.

Не раздумывая, Цзи Цинчжоу вытащил клинок, но, уже занеся его, чтобы ударить мужчину, неожиданно засомневался.

Перед ним же сам Регент! Если он вонзит в него нож, то независимо от того, выживет тот или нет, самому ему точно не сносить головы...

В момент этого колебания Цзи Цинчжоу почувствовал странную слабость в руках, а по телу прокатилась волна какого-то странного трепета. Его дыхание резко участилось, а щеки залил густой румянец...

Цзи Цинчжоу:...

Конец. Неужели эту дрянь подсыпали не на дворцовом пиру, а прямо в Павильоне Фэнсянь?

Разве он не евнух? Почему его организм всё еще отреагировал?

Впрочем, у него совершенно не оставалось времени на раздумья: действие отравы развивалось с невероятной быстротой. Прошло всего мгновение, как его сознание заволкло туманом, и в голове осталась лишь одна мысль — о температуре и дыхании прижатого к нему человека.

Ночь в зале становилась всё глуше.

В тот момент, когда Цзи Цинчжоу оставил попытки сопротивляться, в его голове промелькнуло: к счастью, свечу потушили, иначе что за срам творился бы в таком месте...

Предыдущая жизнь Цзи Цинчжоу оборвалась, когда ему было всего двадцать, и с подобным он никогда не сталкивался. Кое-что он, конечно, слышал — мол, будет немного больно, но он никак не ожидал, что *настолько*. Боль была такой острой, что он несколько раз чуть не

лишился чувств. И на беду, мужчина, хотя давно уже потерял рассудок, казалось, сохранил на самом краешке сознания какую-то смутную сдержанность — он даже не забыл дать юноше перевести дыхание.

Впрочем, эта крупница сдержанности ничуть не облегчила участь Цзи Цинчжоу.

Только постфактум он осознал, что действие зелья на него было ограниченным: пусть он и потерял контроль над собой, но всё же не отключался до самого конца. Иными словами, каждое мгновение сегодняшней ночи отпечаталось в его памяти во всех подробностях.

Включая всю ту бредятину, что он нес в исступлении, и царапины, оставленные его ногтями на спине Регента.

Не смея оставаться в Павильоне Фэнсянь, Цзи Цинчжоу дождался, пока Ли Чжань уснет, и тайком выскользнул наружу. Раны саднило в самом чувствительном месте, каждый шаг отзывался разрывающей сердце болью, но он не смел медлить и под покровом ночи, шатаясь, побрел к своему дворику.

Добравшись до развилки, он заметил в тени какой-то силуэт.

Цзи Цинчжоу испуганно отпрянул, но, взглядевшись, понял, что это та самая девушка.

— Ты почему до сих пор не ушла? — спросил Цзи Цинчжоу. Из-за пережитого голос его звучал хрипло.

— Я переживала за тебя... — боязливо отозвалась она. — Ты случайно не ранен?

Цзи Цинчжоу услышал это с немалым удивлением. Судя по словам Регента, девица приходилась сестрой брату императрицы. Маленькому императору сейчас от силы года четыре-пять, и никакой императрицы у него быть не может, а значит, этот шурин — родной брат вдовствующей императрицы. Выходит, эта девица — сестра самой вдовствующей императрицы?

Только... умом она явно не блистала.

Похоже, росла вне всяких забот, не ведая ни дворцовых интриг, ни женской грызни во внутренних покоях.

Заметив на лице Цзи Цинчжоу выражение полного отчаяния, девушка торопливо заговорила:

— Я хотела позвать кого-нибудь на помощь, но...

— К счастью, никого не позвала, иначе сегодня я точно расстался бы с жизнью. — Цзи Цинчжоу огляделся по сторонам и хрипло выговорил: — О том, что произошло сегодня, нельзя рассказывать никому. Если слухи разойдутся, пострадает и твоя честная репутация...

Впрочем, о чужой репутации он думал в последнюю очередь — куда больше его пугало, что Регент, придя в себя, отыщет его и решит замести следы. В конце концов, каково это — всемогущему Регенту пасть жертвой столь постыдного зелья да еще разделить постель с каким-то евнухом? Если правда всплывет наружу, куда князю девать лицо?

Девушка поспешно закивала:

— Я понимаю, не бойся, я никому ни слова не скажу.

Боясь на кого-нибудь натолкнуться, Цзи Цинчжоу не стал продолжать разговор и погнал её прочь, но девушка, беспокоясь о его ранах, упрямо попыталась поддержать его под руку.

До сих пор Цзи Цинчжоу держался лишь на чистой силе воли, но стоило ему расслабиться, как накопившееся напряжение дало о себе знать — силы мгновенно оставили его, и он позволил девушке опереть себя на её плечо. Немного придя в себя и осознав всю серьезность ситуации, он строго спросил:

— Ты никому об этом не рассказывала?

Девушка смущенно покраснела и ответила:

— Я... конечно, не смела никому говорить.

— Сегодня князь был отравлен в Павильоне Фэнсянь и столкнулся с тобой. Если... если он не забудет то, что произошло этой ночью, завтра он непременно призовет тебя к ответу, — предупредил Цзи Цинчжоу.

— А? Ты хочешь сказать, он меня допросит?.. — при одной мысли о грозном, убийственном взгляде Ли Чжана девушка затрепетала от страха.

— Скрыть это не удастся, — отрезал Цзи Цинчжоу.

— И что же делать? — испуганно пролепетала она.

— Ты веришь мне? — Цзи Цинчжоу повернулся к ней лицом.

Встретившись с ним взглядом, девушка увидела, что красивое лицо юноши до того побледнело,

будто в нем не осталось ни капли крови, но темные глаза сияли в ночной тьме не хуже звезд, излучая странную, нестигаемую решимость. Тяжело вздохнув, она истово кивнула:

— Верю.

Тогда Цзи Цинчжоу наклонился к её уху и прошептал несколько фраз. Выслушав его, девушка с предельно серьезным выражением лица закивала.

Хотя Цзи Цинчжоу не был до конца уверен в её надежности, иного выхода у него не оставалось — не убивать же её в самом деле?

Оставалось уповать лишь на удачу. Он мог лишь молиться, чтобы судьба, сыграв с ним столь злую шутку, всё же явила хоть капельку милосердия.

Доведя его до окрестностей их небольшого дворика, девушка остановилась: впереди маячил ночной дозор стражников, и Цзи Цинчжоу, боясь быть замеченным, велел ей уходить.

— Где ты ранен? Это ноги? Завтра я раздобуду для тебя лекарств, — отпустив его руку, с тревогой в голосе спросила она.

Цзи Цинчжоу остолбенел, и только тут до него дошло: девушка выросла за высокими стенами знатного рода, и хоть уже вступила в пору юношеских надежд и тайком вздыхала по красавцу Регенту, да так отчаянно, что решила пробраться сюда тайком, о тайнствах связи между мужчиной и женщиной — а тем более между мужчинами — она понятия не имела. Даже столкнувшись с подобным, она совершенно не представляла, через что довелось пройти Цзи Цинчжоу.

Усвоив это, Цзи Цинчжоу с загадочным видом произнес:

— Он... истыкал мне иглами ноги!

Обескураженная девушка округлила глаза:

— Разве можно нанести такие тяжелые раны обычными иглами?

Цзи Цинчжоу:...

Ли Чжань: Иглами?!

Проводив девушку взглядом, Цзи Цинчжоу поковылял к своему дворику.

Поначалу раны саднило так сильно, что он едва не терял сознание от боли, и каждый шаг давался ценой невероятных мук, но со временем боль стала настолько пронзительной, что тело просто онемело. Стараясь избегать ночной стражи, Цзи Цинчжоу кое-как добрался до цели, переступил порог — и тут же, потеряв последние силы, едва не рухнул на землю.

— Чего это ты так поздно? — раздался сбоку голос Ту Даю. Цзи Цинчжоу почувствовал, как чья-то рука поддержала его за локоть, не давая упасть. Сначала он хотел сделать вид, что всё в порядке, но сил притворяться больше не оставалось, и он бессильно оперся о Ту Даю всем весом.

— Ты еще жив... — хрипло выдохнул он.

— Ты угадал, к счастью, я не стал ничего предпринимать, — поддерживая Цзи Цинчжоу и помогая ему двигаться вглубь комнаты, шепнул Ту Даю. — Князь и правда оказался невероятно осторожен: к угощениям на пиру он даже не прикоснулся, а его личная стража после окончания банкета проверила каждый бокал и тарелку перед его местом.

Сделай Ту Даю хоть шаг навстречу беде, Регент бы даже не почесался, а вот его собственная шкура точно была бы испорчена.

Доведя Цзи Цинчжоу до комнаты и затеплив свечу, Ту Даю обомлел: лицо товарища было совершенно белым, верхняя одежда разорвана в клочья, а на белой исподней рубаше алело множество устрашающих кровавых пятен.

— Да ты ранен! — перепугался Ту Даю.

— А где наставник? — Цзи Цинчжоу ухватился рукой за край стола, но присесть не рискнул — место, куда пришлась травма, было слишком щекотливым, и о сидении пока не могло быть и речи.

— Наставник давно почивает, — ответил Ту Даю. — погоди секунду, я сбегаю за императорским врачом.

Конечно, по уму евнухам низшего ранга не полагалось звать врачей из врачебного управления, но Ту Даю приходился учеником евнуху Яо, да к тому же славился общительным нравом и имел множество полезных знакомств, так что достать доктора было вполне посильной задачей.

Однако Цзи Цинчжоу судорожно вцепился в его рукав и хрипло выдавил:

— Никому нельзя говорить о моих ранах. Если об этом станет известно, мне конец.

Ту Даю растерянно замер, а Цзи Цинчжоу добавил:

— Выручай, Даю-гэ. Достань мне чистую одежду, мне нужно сперва смыть с себя всё это.

Хотя Ту Даю тревожился за друга, дураком он не был и допытываться не стал. Сперва он принес чистую нижнюю сорочку, затем сгоял в банную за вскипяченной водой и помог Цзи Цинчжоу дойти до купальни.

— Ты пока помойся, а я пороюсь у себя, поищу мазь да чистые тряпицы, потом раны перевяжем, — бросил Ту Даю.

— Спасибо, — избегая смотреть ему в глаза, пробормотал Цзи Цинчжоу и добавил: — Хотя... вряд ли мне это понадобится.

Поначалу Ту Даю не придавал значения этим словам. Но когда он вернулся с баночкой мази и бинтами и его взгляд случайно упал на брошенную в угол изорванную одежду, до него наконец дошло. Пусть он был молод, но провел во дворце немало лет, повидав и наслушавшись всякого. Стоило взглянуть на превращенное в лохмотья платье, на характерные следы крови и вспомнить, как тяжело, морщась от боли при каждом шаге, хромал Цзи Цинчжоу, как пазл в его голове сложился сам собой.

— Кто... кто это с тобой сделал? — нахмурился Ту Даю.

— Лучше тебе не знать, — сквозь густой пар донесся хриплый голос Цзи Цинчжоу, наполненный такой безысходной усталостью, что у слушателя защемило сердце. — Сам виноват, проявил неосторожность, винить некого.

Больше не задавая лишних вопросов, Ту Даю сгреб окровавленные тряпки в охапку и отнес их к печи, бросив в огонь. Дождавшись, пока всё дотла прогорит, он вернулся в комнату. Цзи Цинчжоу уже закончил мыться и переоделся в свежее белье. Ворот сорочки был довольно широким, и стоило Ту Даю поднять глаза, как он отчетливо увидел багровые следы, густо усыпавшие кожу под горлом.

— И что... всё так и останется безнаказанным? — отведя взгляд, зло спросил Ту Даю.

Цзи Цинчжоу горько усмехнулся:

— Я бы и рад оставить всё как есть, да только вряд ли мне позволят.

Лицо Ту Даю перекосилось от гнева:

— Чего ты задумал? Скажи мне! Ты сегодня спас мне жизнь, и пусть даже придется сложить голову — я выбью из этого ублюдка ответ за тебя!

— Тот человек тебе не по зубам, — покачал головой Цзи Цинчжоу.

Ту Даю умолк. Поддерживая Цзи Цинчжоу за плечо, он опустился на колени и помог ему натянуть обувь.

— Если хочешь помочь, сделай для меня кое-что, — тихо проговорил Цзи Цинчжоу.

Ту Даю поднял на него глаза:

— Говори.

Юноша чуть прищурился:

— У наставника есть ученик по имени Гао Лян, знаешь такого?

Ту Даю опешил:

— Знаю, и очень хорошо. Парень башковитый, но ветреный, за что наставник и услал его дежурить в Павильон Фэнсянь.

— Сходи к нему, отыщи его, — Цзи Цинчжоу попытался встать на ноги, но неосторожно задел саднящую рану и скривился, покрывшись холодным потом. Собравшись с силами, он прошептал Ту Даю на ухо несколько указаний и только тогда, получив утвердительный кивок, с облегчением выдохнул.

Пусть Ту Даю и переживал за него, но понимал, что сейчас нельзя терять ни минуты. Достав из шкафчика маленькую фарфоровую баночку, он сунул её в руки Цзи Цинчжоу и бегом выскочил из двора.

Оставшись один, Цзи Цинчжоу откупорил крышечку — внутри оказалась целительная мазь от ожогов и ран.

В то же самое время в резиденции Регента.

Дун Дун стоял на одном колене за ширмой, а с его виска срывалась крупная, размером с горошину, капля холодного пота.

Он был главным и самым доверенным помощником Ли Чжана, пользовавшимся его неизменным расположением.

Сегодня князь отправился на дворцовый банкет, и Дун Дун приложил все мыслимые усилия,

чтобы мероприятие прошло гладко. К счастью, всё закончилось благополучно, и никаких непредвиденных ЧП не случилось. Кто бы мог подумать, что самый страшный провал поджидает их уже после окончания праздника...

Регент питал глубокие, искренние чувства к покойному императору, а потому после его кончины завел привычку навещать в Павильон Фэнсянь, чтобы почтить его память. В такие минуты князь предпочитал уединение и не терпел при себе свиты. Раньше Дун Дун, пусть и не заходил внутрь, неизменно дежурил у входа в павильон, но сегодняшним вечером он на пару минут задержался из-за неотложных дел.

А когда всё же добрался до Павильона Фэнсянь, было уже поздно...

— Что удалось выяснить? — раздался из-за ширмы холодный, бесцветный голос мужчины.

Дун Дун доложил:

— Докладываю Вашей светлости: яд был подмешан в вокурительные благовония. Доза оказалась огромной, и стоило зажечь благовония, как любому, кто не покинул помещение немедленно, пришлось бы туго — с этим не справилась бы ни одна сила воли.

— Кхм... — из-за ширмы донесся едва слышный сдавленный вздох.

Дун Дун всполошился:

— Ваша светлость ранены! Позвольте позвать лекаря!

— Сначала займись своими прямыми обязанностями, — холодно бросил Ли Чжань.

— Подчиненные уже разосланы на поиски дежуривших сегодня в Павильоне Фэнсянь евнухов. Как только их отыщут, допросят со всей строгостью — они выложат имена всех заказчиков! — отрапортовал Дун Дун.

Ли Чжань за ширмой на мгновение замер. Подавшись вперед, он бросил взгляд на собственные плечи и грудь, покрытые перекрещивающимися следами от ногтей, взял припасенную мазь и легко присыпал ей саднящую, содранную до мяса кожу. Острая боль пронзила тело, вновь пробуждая в памяти те картины, которые он с таким трудом пытался выбросить из головы.

Лицо того юноши от начала и до конца скрывала спасительная темнота, но его дыхание, биение сердца и даже жар тела словно выжгли клеймо в глубинах памяти, грозя вырваться наружу в любой самый неожиданный момент.

— Не поднимай шумиху. Найдите этого человека и сначала доставьте ко мне, — приказал холодный голос.

Ему страшно хотелось взглянуть на смельчака, умудрившегося сыграть с ним столь грязную шутку!

Тем временем стражники княжеской резиденции быстро вышли на след Гао Ляна.

Однако они не заметили, что всё это время из укрытия за ними пристально наблюдал Ту Даю.

Как только Гао Ляна бесшумно скрутили и уволокли, Ту Даю со всех ног бросился обратно во дворик.

Цзи Цинчжоу, видимо, совсем обессилел — припав лицом к постели, он уже спал.

Заметив, насколько изнуренным выглядит юноша, Ту Даю сперва не решался его будить, но страх перед последствиями и угрозой нависшего над другом смертного приговора пересилил, и он с тяжелым сердцем принялся тормозить Цзи Цинчжоу.

— Даю-гэ? — юноша приоткрыл глаза, и в его взгляде мелькнуло растерянное недоумение.

Ту Даю тихо прошептал:

— Всё, что ты велел, исполнено.

— Благодарю за труд, — выдохнул Цзи Цинчжоу.

— Только... — замялся Ту Даю. — Не успел я отойти и шагу, как увидел, что Гао Ляна схватили и увели... Ты...

Ту Даю замялся, но всё же договорил:

— Тот человек... это был князь?

Цзи Цинчжоу замер, но тут же сообразил: забрать Гао Ляна могли только люди из резиденции Регента. Раз Ту Даю это видел, немудрено, что он догадался обо всем сам.

— Безобразие! — поймав выражение лица юноши, Ту Даю понял, что угадал верно, и не сдержался: — Сволочь! Знал бы я раньше — лучше бы сам прикончил его отравой!

Цзи Цинчжоу попытался зажать ему рот рукой, но резко дернулся, задел большую рану и с шипением втянул воздух. Ту Даю испуганно поддержал его:

— Ты же ранен, не двигайся резко.

— Даю-гэ, заклинаю тебя, забудь о том, что случилось на пиру, и никогда больше не упоминай об этом, — предупредил Цзи Цинчжоу. — Иначе ни те, кто надоумил тебя отравить вино, ни сам Регент не оставят тебя в живых.

Ту Даю поспешно закивал. Он не был безрассудным глупцом — просто только что спасенная Цзи Цинчжоу жизнь, а затем увиденное надругательство над другом переполнили чашу его терпения, заставив сболтнуть лишнего.

— Скажи... неужели тебе удастся выйти из этого сухим? — с тревогой спросил Ту Даю.

— Остается уповать на слепой случай, — обессиленно уронил юноша. — Если князь сможет сдержат гвардейский гнев и не станет поднимать шумиху из-за столь мелкой пакости, у меня останется крошечный шанс. Но если его ярость окажется слишком сильна и он решит перевернуть землю вверх дном, чтобы докопаться до истины, боюсь, до рассвета я не доживу.

Лицо Ту Даю помрачнело от отчаяния, но поделать он ничего не мог.

В этот момент он снова со всей горечью осознал, насколько же беспомощен маленький евнух в лабиринте этих мрачных дворцовых стен.

В то же время в резиденции Регента.

Услышав доклад Дун Дуна, Ли Чжань дрогнул рукой, прямо посреди обработки собственной раны, так что ему пришлось болезненно поморщиться.

Накинув верхнее ханьфу, он поднялся, вышел во двор и бросил взгляд на связанного по рукам и брошенного на землю юного евнуха.

Хватило одного беглого взгляда, чтобы Ли Чжань холодно бросил:

— Не он.

Дун Дун опешил, внутренне изумившись: неужто у его господина глаза-рентгены, раз он мог с первого взгляда понять, тот ли это мальчишка, которого они ищут?

Гао Лян лежал со связанными за спиной руками, а его глаза были туго завязаны черной

повязкой, отчего он не видел ровно ничего.

<http://bllate.org/book/21165/2144616>